

Глава 4

Поездка в город

Колодец на околице был далеко. Наполнив вёдра, Сун Чансюй взвалил коромысло на плечи, и пот тут же залил ему лоб. Солнце уже не так палило, как в полдень, но всё равно было жарко и душно. В деревне было тихо, дети играли в тени деревьев. К счастью, его никто не заметил.

Он принёс воду в дом Сюй, вылил в кадку, выпрямился и размял затёкшие плечи.

— Вот, выпей, это мой старший брат приготовил, — сказал Сюй Чжичжоу, протягивая ему чашку с травяным отваром. — Отдохни немного.

Видя, как тяжело дышит Сун Чансюй, он забеспокоился. Если тот свалится после одной ходки, кто же наполнит кадки? Нельзя его переутомлять.

Сун Чансюй присел на скамейку и залпом выпил отвар.

— ...Большие у вас кадки, — сказал он, понимая, что ему придётся сделать ещё три-четыре ходки.

— Вот и я говорю, слишком большие, — с сочувствием подхватил Сюй Чжичжоу. — Но что поделаешь, у нас в семье всегда такие были. Ты сходи, а я тебе ещё отвара налью.

«Да не в отваре дело», — с досадой подумал Сун Чансюй. Он посмотрел на коромысло и, вздохнув, снова взвалил его на плечи. Он поклялся себе, что больше никогда не поведётся на уловки Сюй Чжичжоу.

Сделав ещё три или четыре ходки, он уже хорошо знал дорогу. Когда он принёс последнюю пару вёдер, у него закружилась голова. Кажется, он получил солнечный удар. И виноват в этом будет, конечно же, Сюй Чжичжоу.

— Выпей ещё. Надо же, несколько раз сходил за водой, и уже такой вид, — сказал Сюй Чжичжоу, наливая ему ещё отвара. Он искоса поглядывал на его бледное лицо, и в глазах его промелькнуло беспокойство.

Заметив это, Сун Чансюй немного оттаял. Значит, есть в нём всё-таки совесть.

— У тебя всегда было такое слабое здоровье? — поколебавшись, спросил Сюй Чжичжоу.

Сун Чансюй чуть не поперхнулся. Так вот о чём он беспокоился! Он вскочил на ноги.

— Что ты имеешь в виду? — процедил он сквозь зубы.

Сюй Чжичжоу смутился и поспешил налить ему ещё отвара.

— Ничего, садись. Я просто беспокоюсь о твоём здоровье.

«И о своём будущем», — мысленно добавил он.

— Я больше не буду. Мне пора, — сказал Сун Чансюй. Он боялся, что если останется здесь ещё хоть на минуту, то либо умрёт от гнева, либо Сюй Чжичжоу заставит его делать ещё что-нибудь.

Сюй Чжичжоу с сожалением подумал, что в доме ещё не колоты дрова. Попросить кого-то в деревне — значит, быть должным, а нанимать — платить деньги. А Сун Чансюй всё бы сделал за чашку отвара. Иметь жениха, оказывается, не так уж и плохо.

— Ладно, иди, только чтобы тебя никто не видел. И не забудь завтра принести мне пирожных, я о них уже давно мечтаю, — напутствовал он.

Сун Чансюй, не оборачиваясь, махнул рукой в знак того, что услышал.

«Чтобы никто не видел», — с горечью подумал он, чувствуя себя преступником. У ворот дома Сюй он выглянул в щель, убедился, что на улице никого нет, и выскользнул наружу. Оказавшись на тропинке, он облегчённо вздохнул.

— Чансюй, ты что здесь делаешь? — окликнул его Лян Фэн. — В такую жару ты обычно дома за книгами сидишь.

— Голова от чтения разболелась, решил пройтись, проветриться, — быстро нашёлся Сун Чансюй.

— Да уж, учёба — тоже нелёгкий труд, — сочувственно сказал Лян Фэн. Он как раз шёл удобрять поле. — Ладно, мне пора, а ты учись хорошо.

Вернувшись домой, Сун Чансюй почувствовал, как напряжение отпускает его. Он набрал воды, обтёрся, переоделся в старый халат. После пота спина неприятно липла. Теперь стало лучше. Он постирал одежду с мыльными бобами и повесил сушиться. Наконец-то всё закончилось. Он снова сел за книги.

Время за чтением и упражнениями в каллиграфии пролетело незаметно. Когда он оторвался от занятий, за окном уже алел закат. Он порылся в шкафу в поисках денег, оставшихся от прежнего владельца, и нашёл синий мешочек. Внутри было всего пятьдесят медных монет.

Родители давали ему немало, но он ничего не скопил. Придётся искать способ заработать.

Книгопечатание в династии Мин было развито, так что на переписывании книг не заработаешь. Типографии печатали в основном популярные произведения, а не какие-нибудь бульварные романы. Кроме того, существовали строгие правила: некоторые книги, например, по астрономии, гаданию и магии, могли издаваться только с разрешения властей. Сочинения чиновников, особенно на политические темы, строго контролировались. Но на издание романов правительство смотрело сквозь пальцы.

«Завтра схожу в город Шуйбо, зайду в книжную лавку, — решил он. — Можно ещё писать письма за неграмотных. На повседневные расходы должно хватить». Просить деньги у родителей ему было неловко.

— Папа, ты вернулся! — раздался у ворот голос Сюй Чэна.

Сун Минъянь вошёл во двор с корзиной свежей травы за спиной.

— Чэн-гэ'эр, покорми сначала птицу, а я приготовлю ужин.

Он нарвал травы по дороге с поля.

Из дома вышел Сун Чансюй. К нему подошла молодая женщина с пучком папоротника в руках.

— Чансюй, это я на горе собрала. Ошпарить и сдобрить приправами — очень вкусно получается.

Ван Янь сунула ему папоротник в руки.

— Возьми, сделаете себе салат.

Она была рада наконец застать его дома.

— Вы с семьёй Сюй обручились — это хорошо. Я думала, ты ещё несколько лет жениться не будешь, а вы так быстро.

Они выросли вместе. Ван Янь вышла замуж за местного парня, Ли Ху, и жили они душа в душу.

— Мне уже двадцать один, — ответил Сун Чансюй. По здешним меркам, самое время обзаводиться семьёй.

— Давно тебя не видела, — сказала Ван Янь. — Заходи как-нибудь в гости. Или вот женишься,

мы с Ху-цзы вас пригласим.

Сюй Чэн посмотрел на Сун Чансюя, и тот погладил племянника по голове. Он отнёс папоротник Сун Миньяню.

— Надо же, какая Ван Янь добрая, — обрадовался тот. — Я как раз думал сходить на гору, обмолвился ей как-то, а она вот принесла.

Сюй Чэн бросил траву в загон для птиц и, встав на цыпочки, стал смотреть, как куры и утки с криком набрасываются на еду.

С улицы доносились голоса, деревня оживала. Над крышами вился дымок — хозяйки готовили ужин. Дети бегали по улице.

Вернулись Сун Е и Лян Су. Они оставили мотыги у порога и сели отдохнуть. Ветерок осушил грязь на их ногах.

Ужин был простой: доели то, что осталось с обеда, да приготовили салат из папоротника. Круглый год, когда были дикие овощи, они появлялись на столе в каждой семье. Сун Чансюй съел миску супа из люффы. Сун Миньянь готовил просто, но суп получился очень вкусным.

Он посмотрел на небо. Множество звёзд обещало хорошую погоду на завтра. После ужина жара спала, и во дворе было прохладно.

— Чансюй, отнеси эти паровые булочки старосте, — позвала его Лян Су.

В трудные времена староста не раз помогал их семье, и они были ему благодарны.

— Зачем вы принесли, — сказала госпожа Лю, наливая ему чаю. — Устал, наверное, выпей чаю.

— Спасибо, тётушка, я не устал.

Староста курил трубку. Он перекинулся с Сун Чансюем парой слов и отпустил его.

Возвращаясь по тёмной тропинке, освещённой лишь светом из окон домов, Сун Чансюй услышал знакомый голос.

— Нет здесь никаких змей, — говорил Сюй Чжичжоу.

— А я вчера видел, — отвечал кто-то другой.

— Ладно, уже поздно, я домой.

Из кустов вышел Сюй Чжичжоу. Лунный свет падал на него, придавая ему холодное сияние. Увидев тёмную фигуру, он испугался.

— Ты что здесь стоишь, не издавая ни звука? Напугал меня.

«Так тебе и надо», — подумал Сун Чансюй.

— Я не заметил тебя.

В полумраке Сюй Чжичжоу разглядел чёткий профиль его лица.

— Что ты здесь делаешь по ночам? Не забудь завтра принести мне пирожных.

Сун Чансюй промолчал. Он вышел отнести угощение, а вот что делал здесь Сюй Чжичжоу — большой вопрос.

Вернувшись домой и умывшись, Сюй Чжичжоу лёг в постель, но не мог заснуть. Он открыл окно и увидел свет в комнате брата. Взяв подушку, он пошёл к нему.

Сюй Чжицы сидел, рассматривая шпильку, подаренную ему Се Хуайчуанем, и в глазах его блестели слёзы. Услышав стук, он спрятал шпильку и, накинув халат, пошёл открывать.

— Брат, можно я сегодня с тобой посплю?

В семье Сюй было два гэ'эра. Их дом был покрыт синей черепицей. В детстве они спали в одной комнате, но повзрослев, разъехались. Дом им помогала строить семья Сун. Найти хороших работников было непросто, а знакомые могли уберечь от обмана.

— Разве я могу тебе отказать? — сказал Сюй Чжицы, пропуская его. — Ложись, укройся, чтобы не простудиться.

— Я знал, что ты самый лучший. Ты так поздно не спишь, думаешь о брате Се?

Это была единственная печаль его брата, о которой он думал денно и ночью.

— Я боюсь, как бы его не ранили на поле боя.

Се Хуайчуань не должен был идти в армию. Его дядя, желая завладеть его наследством, записали его в солдаты за деньги. Родителей у него не было, и он был единственным наследником. Когда он уходил, провожать его пришёл только Сюй Чжицы. Шестнадцатилетний юноша уже тогда был молчалив и серьёзен. Он лишь сказал, что вернётся, и велел ждать.

— Брат Се — сильный и здоровый, за годы в армии он стал ещё сильнее, — сказал Сюй Чжичжоу.

— Лишь бы он был жив и здоров, — вздохнул Сюй Чжицы, не желая продолжать разговор.

Они потушили свечу.

— Брат, научи меня делать травяной отвар, — попросил Сюй Чжичжоу, теребя край одеяла.

— Конечно. Я тебя раньше звал, ты не хотел, а теперь вдруг надумал?

— Просто он мне понравился.

— Хорошо, как закончим с делами, я тебя научу. Кстати, сегодня кадки были полные. Раньше ты всегда ленился и наливал только половину.

Сердце Сюй Чжичжоу ёкнуло.

— Я редко бываю таким прилежным, а ты ещё и спрашиваешь. Стыдно. Спи давай, завтра рано вставать.

В комнате воцарилась тишина.

На следующее утро Сун Чансюй сказал, что ему нужно в город.

— Купи заодно банку соли, — дала ему денег Лян Су.

— И мне кувшин жёлтого вина, — попросил Сун Е.

Лян Су, покосившись на мужа, дала сыну ещё денег.

— Купи ещё пирожных и фруктов. Чэн-гэ'эр поест, да и гостей будет чем угостить.

— В доме деньгами заведует мама? — спросил Сун Чансюй.

— А что, твоему отцу доверять? Он их тут же растратит, — ответила Лян Су.

Сун Е смущённо улыбнулся.

— Ты и сам такой же транжира. Вот женишься, будет кому за тобой присматривать, — сказала Лян Су, убирая деньги.

В город ездили на воловьей повозке. Старого вола семья Сун продала, а нового ещё не купили — все деньги откладывали на свадьбу. Поездка стоила три медные монеты.

Кроме денег, данных матерью, Сун Чансюй взял с собой пятьдесят монет на пирожные для Сюй Чжичжоу. Он догадывался, что пирожные с Восточной улицы — недешёвое удовольствие.

В городе Шуйбо было шумно и людно. Торговцы зазывали покупателей, дома были покрыты синей черепицей. Въехав в город, он почувствовал запах лапши. Он съел утром две паровые булочки и ещё не был голоден. Первым делом он направился в книжную лавку.

— Ты вовремя, — сказал хозяин. — Мне как раз нужно переписать один роман. Напиши несколько иероглифов, я посмотрю на твой почерк.

Сун Чансюй написал несколько иероглифов — ровных и изящных.

— Хорошо. За одну переписанную книгу — шестьсот медных монет.

Он оставил своё имя и адрес, подписал договор, и хозяин отдал ему книгу. Он также узнал, что за написание одного письма берут десять монет. У него отвисла челюсть.

Он пошёл на Восточную улицу и купил пирожных. Не задерживаясь в городе, он сел на повозку и поехал обратно. Денег было в обрез, и Сун Чансюй твёрдо решил найти способ заработать. Он будет усердно учиться, а в свободное время подрабатывать.

Сюй Чжичжоу сегодня работал в поле и к обеду вернулся домой совершенно без сил. Родители отдыхали. Услышав стук в дверь, он пошёл открывать. На пороге никого не было, лишь на земле лежал свёрток, пахнущий пирожными. Его любимые пирожные из маша.

Он огляделся, но никого не увидел. Взяв свёрток, он закрыл дверь.

Сун Чансюй, спрятавшись в стороне и увидев, что свёрток забрали, стряхнул с обуви грязь и пошёл домой.

<http://bllate.org/book/13427/1195436>